

ШАНЕЛЬ КЛИТОН

Следующий
год
в Гаване

INSPIRIA

Москва
2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К49

Chanel Cleeton
NEXT YEAR IN HAVANA

Copyright © 2018 by Chanel Cleeton
Excerpt from «When we left Cuba» copyright © 2018 by Chanel Cleeton.
All rights reserved including the right of reproduction in whole
or in part in any form.

This edition published by arrangement with Berkley, an imprint
of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Credit: Photo © Chris Malpass 2017

В коллаже на обложке и полусупере использованы фотографии:
© Sergiy Artsaba, Kamira / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с английского *Миланы Ключниковой*

Художественный редактор *Яна Паламарчук*

Клитон, Шанель.

К49 Следующий год в Гаване / Шанель Клитон ; [перевод с английского М. Ключниковой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 432 с.

ISBN 978-5-04-113923-0

Куба, 1958 год. Революционное движение в стране набирает обороты. Девятнадцатилетняя Элиза, дочь сахарного барона, даже не подозревает, что совсем скоро ее жизнь навсегда изменится, и причина тому — любовь.

Америка, 2017 год. «Когда я умру, отвези меня на Кубу». И вот Марисоль выходит из здания международного аэропорта Хосе Марти, чтобы исполнить последнюю волю бабушки: «Развей мой прах над землей, которую я любила. Ты поймешь, где это сделать».

Там, где кипела революционная кровь, горели глаза и разбивались сердца, встретятся две удивительные истории любви, и это будет прекрасно.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Ключникова М., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-113923-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Para mis abuelos
Моим бабушке и дедушке

Глава 1

Элиза

ГАВАНА, 1959

— **Н**адолго мы уезжаем? — спрашивает моя сестра Мария.

— На какое-то время, — отвечаю я.

— На год? На два?

— Замолчи. — Я подталкиваю ее вперед, а сама оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что никто в зоне вылета аэропорта Ранчо-Буэрос не услышал ее слова.

Мы стоим друг за другом. Для одних мы — знаменитые сестры Перес, для других наше имя ничего не значит. Возглавляет цепочку Изабель — самая старшая из нас. Она стоит молча и не сводит взгляда со своего жениха Альберто. Мы покидаем город, который совсем недавно лежал у наших ног, а Альберто, бледный, не отрывая глаз, смотрит на нас.

Беатрис. Она ступает по зданию аэропорта, подол ее великолепного бледно-голубого платья приподнимается, оголяя икры, и кажется, что у всех присутствующих в аэропорту перехватило дыхание. Беатрис — самая красивая из нас, и она это знает.

Я иду следом за ней. Мои колени дрожат под юбкой, и каждый шаг дается с огромным трудом.

А позади меня Мария — самая младшая из нас, сахарных принцесс.

Марии всего тринадцать, и ей сложно понять, почему нельзя разговаривать громко. Она может привлечь внимание солдат, которые в своей зеленой форме с оружием наперевес стоят на посту и обыскивают тех, кто вызывает у них подозрение. Мария понимает, что люди, одетые в военную форму, опасны, но она не осознает степень этой опасности так, как осознаем ее мы. Нам не удалось оградить ее от череды потрясений, которые свалились на нашу семью в последние дни, но мы сделали все возможное, чтобы она не видела то варварство, свидетелями которого нам пришлось стать. Она не слышала, как кричат пленники, посаженные в клетки, словно дикие животные, в тюрьме в Ла Кабана, которая сейчас находится во власти аргентинского монстра. Она не видела, как кровь кубинцев проливалась на нашу землю.

Но наш отец видел.

Поэтому он обернулся и посмотрел на нее тем взглядом, к которому он редко прибегает, но который работает безотказно. Сколько я себя помню, нами занимались в основном мама и няня, Магда, отец же был все время занят делами своей сахарной компании и политическими вопросами, на нас у него времени не оставалось. Но сейчас время непростое, и ставки уже слишком высоки, чтобы рисковать. Фидель был бы счастлив, если бы ему удалось схватить Эмилио Переса и его семью — мы были квинтэссенцией того, что он хотел разрушить своей революцией. Наша семья не была самой влиятельной на Кубе, мы также не были самыми богатыми, но у отца были тесные связи с бывшим президентом, а это нельзя было не учитывать. Поэтому в сложившихся обстоятельствах даже слова, неосторожно произнесенные тринадцатилетней девочкой, могли стоять нам жизни.

Мария замолчала.

Наша мама идет рядом с отцом, высоко подняв голову. Она настояла на том, чтобы мы сегодня надели наши лучшие платья, шляпки и перчатки и до блеска зачесали волосы. Для нее было важно, чтобы ее дочери, даже отправляясь в изгнание, выглядели великолепно.

Повержены, но не сломлены.

Да, мы не сражались в горах, мы не держали оружие в руках, обтянутых перчатками, но в душе каждой из нас пылал огонь, который разжег Фидель. И пока мы живы, никому не удастся его потушить. Поэтому мы, надев наши лучшие платья, шли к выходу на посадку, демонстрируя истинно кубинскую гордость и прагматизм. Мы не можем позволить себе выглядеть иначе, пусть даже сегодня на нас нет драгоценностей, которые обычно дополняли наши наряды — они сейчас лежат закопанные на заднем дворе нашего дома.

Мы вернемся за ними.

Быть кубинцем — значит быть гордым. И это одновременно наш самый главный дар и величайшее проклятье. Мы не служим королям, мы ни перед кем не преклоняем головы, мы сами справляемся со своими трудностями и делаем это так, словно для нас эти трудности ничего не значат. А это, знаете ли, целое искусство. Искусство притворяться, будто все в жизни достается легко и не требует усилий. Притворяться, будто порхаешь словно бабочка, когда колени сгибаются под тяжестью проблем. Мы кажемся созданными из шелка и кружев, но на самом деле внутри каждой из нас стальной стержень.

Мы стараемся сделать вид, что просто отправляемся на каникулы в небольшое путешествие за границу. Но тем, кто сейчас в аэропорту смотрит на нас, все понятно без слов.

На мгновение пальцы Беатрис коснулись моей руки. Пограничники, одетые в оливкового цвета форму, следили за каждым нашим движением. Ей было страшно, но она хотела поддержать меня. Я не позволю страху победить себя.

Тот мир, который мы знали, больше не существует. А мир, который пришел взамен, был мне непонятен.

Ощущение безнадежности переполняло зону вылета: оно читалось в глазах мужчин и женщин, которые ожидали посадки в самолет, в их устало опущенных плечах, в выражении шока на их лицах, в скромных пожитках, которые они сжимали в руках. Дополняли картину угрюмые дети, чей смех затих, отравленный зловонием, исходящим от всех нас.

Когда-то здесь царило счастье. Мы приезжали сюда, чтобы встретить вернувшегося из очередной командировки отца. А три года назад мы сидели в этих же креслах и нас переполнял восторг от того, что мы летим на каникулы в Нью-Йорк.

Мы сели, прижавшись друг к другу, — Беатрис с одной стороны от меня, Мария с другой. Изабель, набросив на плечи шаль, сидела в стороне. Горечь утраты может быть разной — нам же пришлось бросить все, что было нам дорого.

Наши родители сидели, взявшись за руки. Раньше им было несвойственно проявлять чувства на людях, и мне было странно наблюдать этот, казалось бы, совсем скромный жест. В их глазах читалось волнение, а в их сердцах поселилась печаль.

На какой срок мы уезжаем? Вернемся ли мы когда-нибудь? И если мы вернемся, какую Кубу мы увидим?

Мы просидели в аэропорту уже несколько часов. Время текло невероятно медленно. Шея моя вспотела, а тело под

платьем чесалось. К горлу подкатывала тошнота, а во рту появился резкий неприятный привкус.

— Меня сейчас вырвет, — прошептала я, обращаясь к Беатрис.

Она крепко сжала мои пальцы.

— Нет, только не сейчас. Еще немного, и мы сядем в самолет.

Я сижу, уставившись в пол, и пытаюсь побороть тошноту. Люди бросают друг на друга осторожные резкие взгляды, и в то же время у меня ощущение, что мы оказались в вакууме. В зале ожидания тишина, прерываемая случайным шорохом одежды и сдавленными рыданиями. Мы словно оказались в чистилище. Мы ждем.

— Объявляется посадка на рейс...

Мой отец, кряхтя, поднялся со своего места; с того дня, когда президент Батиста покинул страну и ветер революции, зародившийся в горах Сьерра Маэстра, добрался до наших краев, прошло всего два месяца, но отец, казалось, за это время постарел на несколько лет. Когда-то Эмилио Перес считался одним из самых влиятельных и могущественных представителей высшего общества Кубы; теперь он почти не отличался от других людей — от мужчины, сидящего у прохода, от джентльменов, которые выстроились в очередь перед выходом на посадку. По воле обстоятельств теперь мы — лишь осиротевшие граждане страны, которой больше не существует.

Я потянулась вперед и взяла Марию за руку.

Она не произнесла ни слова. Казалось, что царящая вокруг атмосфера поглотила ее. Как и всех нас.

Мы направились к летному полю. Мы двигались друг за другом — грустные и очень сдержанные. Сегодня воздух

казался неподвижным. Мы шли, изнывая от жары, солнце жгло наши спины, а впереди виднелись очертания самолета.

Я не могу это сделать. Я не могу уехать. И я не могу остаться.

Беатрис подтолкнула меня вперед, чтобы я не нарушила наш строй, и я пошла дальше.

Когда мы поднимались на борт самолета, началась суматоха — люди начали кричать, кто-то заплакал, и шум наполнил салон. Раздались стоны. Теперь, когда мы покинули зону вылета, люди сбросили с себя напускной лоск и позволили истинным чувствам вырваться на свободу.

Слезы, скорбь.

Я заняла место рядом с иллюминатором и сквозь крошечное стекло попыталась рассмотреть что-нибудь еще кроме здания аэропорта. Я надеялась...

Я почувствовала толчок — самолет пришел в движение. В салоне воцарилась тишина. В моей памяти снова возникли эпизоды Нового года — я, держа в руке бокал с шампанским, стою в бальной зале в доме друзей родителей. Я смеюсь, я счастлива. Где-то в глубине души я чувствую легкую тревогу и неуверенность, но я также не теряю надежду.

Пройдет всего лишь минута, и моя жизнь изменится.

Президент Батиста покинул страну! Да здравствует свободная Куба!

И это они называли свободой?

Наш самолет, набирая скорость, мчится по взлетной полосе. Меня вдавливают в кресло, и я наконец сдаюсь — выхватываю пакет из кармашка на спинке сиденья передо мной, и меня рвет.

Самолет отрывается от земли и набирает высоту. Я сижу, склонив голову, а Беатрис гладит меня по спине.

Приступы тошноты накатывают снова и снова — какое бесславное получилось у меня бегство. Когда я наконец поднимаю голову, перед моими глазами предстает необычайно прекрасное сочетание оттенков голубого и зеленого.

Когда Христофор Колумб причалил к берегу Кубы, он сказал, что это самая прекрасная земля, которую когда-либо видели глаза человека. И это правда. Но для нас Куба — это не только море, горы и голубое небо, Куба значит для нас гораздо больше, а теперь мы покидаем ее.

Надолго мы уезжаем?

На год? На два?

*Ojalá*¹.

Марисоль

ЯНВАРЬ 2017

Когда я была помладше, то умоляла бабушку рассказать о Кубе, которая казалась мне загадочным островом. Слушая истории, которыми бабушка делилась со мной, живя в изгнании в Майами, я всем сердцем полюбила землю, нарисованную в моих фантазиях. Для меня существовали две Кубы — одна в моей крови, а другая в моих мечтах.

Мы любили сидеть в гостиной просторного дома моей бабушки, который находился в районе Корал Гэйблс, и она показывала мне старые фотографии, тайком вывезенные бесстрашными членами семьи, рассказывала про то, как жила в Гаване, рассказывала про приключения ее сестер, описывала красоты острова, а мое воображение рисовало мне его образ. Ее истории сопровождалась запахом

¹ Дай Бог (исп.)

жасмина и гардении, вкусом бананов и мамей сапоты¹ и всегда — звуками старого проигрывателя. Каждый раз, закончив рассказ, бабушка улыбалась и обещала мне, что наступит день и я своими глазами увижу Кубу. Обещала, что мы торжественно вернемся, распахнем двери фамильного поместья, расположенного в Варадеро на берегу моря, и переступим порог шикарного дома, который занимает почти целый квартал утопающей в зелени улицы в Гаване.

Мы вернемся, как только умрет Фидель. Вот увидишь.

И наконец, после того, как почти шестьдесят лет он водил кубинцев за нос своими фальшивыми покушениями, он умер, пережив мою бабушку на несколько месяцев. В ночь его смерти мы собрались всей семьей и открыли бутылку шампанского, которую мой прадед купил почти шестьдесят лет назад специально для этого случая. В нашей неподражаемой манере мы подняли тост во славу кончины Кастро. К сожалению, шампанское, как и Фидель, уже отжило свое, но вечеринка в Калье Очо продолжалась до рассвета, а потом...

Потом мы остались в Майами.

Смерть Фиделя не стерла из памяти почти шестьдесят лет, проведенных в изгнании, и не вселила в нас ощущение свободы. Вместо этого сейчас я тайком перевожу в своем чемодане урну с прахом моей бабушки. Я выполняю ее последнюю волю, которую она изъявила тогда, когда мы молились и надеялись на лучшее.

Когда я умру, отвези меня на Кубу. Развей мой прах над землей, которую я так любила. Ты сама поймешь, где это сделать.

¹ Сладкий фрукт, который у нас еще называют «мармеладной сливой».

И сейчас, сидя в самолете, летящем где-то между Мехико и Гаваной, вооружившись блокнотом, исписанным названиями улиц и мест, которые мне нужно посетить, и путеводителем, купленным в Интернете, я понятия не имела, где же хотела обрести покой моя бабушка.

Полгода назад, в присутствии тридцати членов семьи, собравшихся в переговорной в офисе нашего нотариуса в районе Брикел, было зачитано бабушкино завещание. На встрече присутствовали две ее сестры — Беатрис и Мария. Изабель скончалась два года назад. Их дети пришли со своими супругами и детьми — так представители молодого поколения высказывали свое уважение. Также присутствовал мой отец — бабушкин единственный сын, две мои сестры и я.

Большая часть пунктов завещания были очень понятными, ожидаемыми и ни у кого не вызвали удивления. Мой дедушка умер более двадцати лет назад, и после его смерти управление сахарной компанией перешло к моему отцу. Дом в Палм Бич отошел моей сестре Даниеле. Ферма с лошадьми в Веллингтоне — моей средней сестре Лючии. А мне достался дом в Корал Гэйблс — то место, где я провела столько времени, воображая свое путешествие на Кубу.

В завещании также были распоряжения насчет денежных сумм и предметов искусства, которые нотариус зачитал голосом, не терпящим возражения. По мере того как он оглашал список, раздавались редкие всхлипы или возгласы благодарности. И наконец оставалось последнее желание бабушки.

Существует негласное правило о том, что у бабушек и дедушек не должно быть любимчиков среди внуков, но моя бабушка всю жизнь жила только по своим правилам. Может быть, причиной послужило то, что я появилась на